

Гуртовцев А.Л.

МОЙ ОМАР ХАЙЯМ

*Антирелигиозные и антиклерикальные
мотивы
в творчестве поэта-ученого*

2016

МОЙ ОМАР ХАЙЯМ.
Антирелигиозные и антиклерикальные мотивы
в творчестве поэта-ученого
Гуртовцев А.Л.

*“Мне раскаянья бог никогда не дарует,
 Ну а если дарует – зачем оно мне?”
 “Считают, будто я неверный – верно...”
 Омар Хайям, “Рубаи”, 11-12 вв.*

Омар Хайям (Гиясаддин Абу-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим; прозвище “Хайям” – от перс. палаточник, родился в семье ремесленника Ибрахима, изготовителя палаток; 18 мая 1048 г., Хорасан, Нишапур – 4 декабря 1131 г., Хорасан, Нишапур¹; [1]) - выдающийся персидский **ученый (математик, астроном, философ)²** и **поэт**, непревзойденный мастер **рубайи** (робаи, рубайят - четверостишия) [1-13]. На склоне лет, будучи уже седобородым 70-летним стариком (“И я, седобородый, в силок любви попал...”, “Старость - дерево, корень которого сгнил. Возраст алые щеки мои посинил...”, “В чаше жизни моей семь десятков исполнилось весен...”), но еще не утратившим свой глубочайший философский разум, он писал:

***Мы уйдем без следа – ни имен, ни примет.** (пер. Г. Плисецкого)³*
Этот мир простоит еще тысячи лет.
Нас и раньше тут не было – после не будет.
Ни ущерба, ни пользы от этого нет.

Но, вот, прошло уже почти 900 лет, как он покинул этот бренный мир, превратившись, по его же собственным словам, в глину, из которой гончар может вылепить любую посуду (“Наша плоть в бесконечных своих превращениях То в кувшин превращается, то в талю”, “Так лей вино в бокал, покуда сам не стал ты, Посудой глиняной в гончарной мастерской”), а **здоровомыслящие люди** в разных странах, причем независимо от своей национальной принадлежности, его помнят, ценят и читают, получая от его бессмертных четверостиший громадный духовный заряд для размышлений уже о своей собственной быстропроходящей жизни.

Его считают “своим” поэтом не только **персоговорящие этносы – иранцы, или персы, и таджики** (Хайям писал свои научные трактаты на арабском языке, а стихи, предназначенные для души, на родном **фарси – новоперсидском языке**, сложившемся в 9 в. на основе арабского алфавита и отличавшемся как от **древнеперсидского языка** 6-4 вв. до н.э., использовавшего слоговую клинопись, заимствованную из соседнего государства Урарту, так и от **среднеперсидского языка, или пехлеви**, 3 в. до н.э.-7 в. н.э., созданного на базе арамейского письма), но и многие другие народы мира, включая русских (*переводы рубаи Хайяма, начиная с конца 19 века, выполнили более полусотни видных русских поэтов и переводчиков*)³. Почему так случилось? По-видимому, этот восточный мыслитель и поэт сумел в своих лаконичных, но предельно емких, простых и безыскусных по форме, но весьма пронизательных по содержанию философских стихах, затронуть душу человека и его **тайные, глубинные, искренние мысли о вечном и преходящем: о жизни и бытии, о предназначении человека и краткости его пути, о разуме и вере, о достоинстве и несправедливости, о счастье и невзгодах, о наслаждении и страданиях, о любви и ненависти.**

Хайям учил ценить каждый миг земной жизни (“жизнь – ни мало ни много – мгновенье одно!”, “Жизнь, мгновенье которой равно мирозданию, Как меж пальцев песок, незаметно прошла!”), не веря в существование загробного мира и понимая, что жизнь начинается и завершается именно здесь, на Земле:

***За мгновеньем мгновенье – и жизнь промелькнет.** (пер. В.Державина)³*
Пусть весельем мгновение это блеснет!
Берегись, ибо жизнь – это сущность творенья.
Как ее проведешь, так она и пройдет.

***Вот день исчез, как ветра легкий стон,** (пер. О.Румера)³*
Из нашей жизни, друг, навеки выпал он.
Но я, покуда жив, тревожиться не стану
О дне, что отошел, и дне, что не рожден.

***Разум к счастью стремится, все время твердит:** (пер. Г. Плисецкого)*
“Дорожи каждым мигом, пока не убит!
Ибо ты – не трава и когда тебя скосят –
То земля тебя заново не возродит”

Двери в этой обители: выход и вход, (пер. Г. Плисецкого)
Что нас ждет, кроме гибели, страха, невзгод?
Счастье? Счастлив живущий хотя бы мгновенье.
Кто совсем не родился – счастливее тот.

Бросать не стоит в будущее взгляд, (пер. Дм. Седых)³
Мгновенью счастья будь сегодня рад.
Ведь завтра, друг, и мы сочтемся смертью
С ушедшими семь тысяч лет назад.

Поэт постоянно, как истинный философ, меряет жизнь ее противоположностью - смертью. Для него смерть представляется трагическим и бессмысленным событием, но, в то же время, естественным процессом преобразования ранее живой мыслящей плоти в земной прах (“*И сходим в прах, развеяв жизнь как дым*”, “*Спеши, покамест, плоть не стала прахом, Как прах твой плотью раньше был сто раз*”), в почву, в глину, из которых позже возрождается новая жизнь и воссоздаются новые вещи:

Когда тело мое на кладбище снесут- (пер. Г.Плисецкого)
Ваши слезы и речи меня не спасут.
Подождите, пока я не сделаюсь глиной,
А потом из меня изготовьте сосуд.

Я вчера наблюдал, как вращается круг, (пер. Г.Плисецкого)
Как спокойно, не помня чинов и заслуг,
Лепит чашу гончар из голов и из рук,
Из великих царей и последних пьянчуг.

Веселись! Невеселые сходят с ума (пер. Г.Плисецкого)
Светит вечными звездами вечная тьма.
Как привыкнуть к тому, что из мыслящей плоти
Кирпичи изготовят и сложат дома?

К черту пост и молитву, мечеть и муллу! (пер. Г.Плисецкого)
Воздадим полной чашей аллаху хвалу!
Наша плоть в бесконечных своих превращениях
То в кувшин превращается, то в пиалу.

Хайям убежден, что на земле до него и до каждого из нас свою жизнь уже прожили мириады людей. Они никуда не ушли, не воспарили в небеса, не исчезли в раю или аду, но остались, правда, в совершенно ином, разрушенном и истлевшем виде, здесь же, на земле. Своим прахом они так плотно покрыли землю, что каждый шаг живущих непременно касается кого-то из живших прежде. Поэт подчеркивает, что из тех, кто, образно говоря, ушел в мир иной, никто и никогда назад уже не вернулся, оставив тем самым вопрос о существовании потустороннего мира полностью на совести и фантазии своих потомков (“*Слов о рае и аде не слушай, мудрец! Кто в аду побывал? Кто вернулся из рая?*”):

Как много было зорь и сумерек до нас! (пер. О. Румера)
Недаром небесам кружиться дан приказ.
Будь осторожнее, ступню на землю ставя!
Повсюду чей-нибудь прекрасный тлеет глаз.

Мы бродили всю жизнь по горам и долам, (пер. Г. Плисецкого)
Путь домой находили с грехом пополам!
Но никто из ушедших отсюда навек
Не вернулся обратно, не встретился нам.

Жизнь уходит из рук, надвигается мгла, (пер. Г. Плисецкого)
Смерть терзает сердца и кромсает тела,
Возвратившихся нет из загробного мира,
У кого бы мне справиться: как там дела?

Часть людей обольщается жизнью земной, (пер. Г. Плисецкого)
Часть – в мечтах обращается к жизни иной.
Смерть – стена. И при жизни никто не узнает
Высшей истины, скрытой за этой стеной.

Не правда ль, странно?- сколько до сих пор (пер. И. Тхоржевского)³
Ушло людей в неведомый простор
И ни один оттуда не вернулся:

Все б рассказал – и кончен был бы спор.

О неизбежности конца жизни каждого человека, независимо от его прижизненных заслуг, званий и общественного положения, Хайям делает собственные выводы:

*Хоть сотню проживи, хоть десять сотен лет,
Придется все-таки покинуть этот свет.
Будь падишахом ты иль нищим на базаре –
Цена тебе одна: для смерти санов нет.*

*Египет, Рим, Китай держи ты под пятой,
Владыкой мира будь - удел конечный твой
Ничем от моего не будет отличаться:
Три локтя савана и пядь земли сырой.*

И все же, поэт еще надеется востребовать ответ за смерть человека от создателя мира, уличая того в ответственности за эту трагедию, определяемую философом как убийство:

*Когда вселенную достигнет день конечный,
И рухнут небеса, и Путь померкнет Млечный, -
Я, за полу схватив создателя, спрошу:
“За что же ты меня убил, владыка вечный?”*

Кого из ранее живших и ныне живущих людей не охватывали, хотя бы раз в жизни, мысли о нерасторжимом союзе жизни и смерти, о смысле собственного существования (философов эти мысли не оставляют всю их жизнь – именно поэтому они, наверное, и философы): “Зачем я здесь?”, “Ради чего появился на свет?”, “Почему я должен умереть?”, “Почему я не могу жить вечно, оставаясь всегда молодым, здоровым и счастливым?”, “Как обрести счастье?”. Эти бесконечные **зачем, почему, как**... Религия всегда услужливо подсовывала и предлагает до сих пор на все эти вопросы готовый, не требующий размышлений, ответ: “Потому, что ты грешен. Потому, что ты не бессмертный Бог, а лишь его божья смертная тварь. Твоя вечная и счастливая жизнь ждет тебя только в потустороннем, загробном царстве, и то лишь при условии, что ты будешь во время земной жизни глубоко верить в Бога, слушаться его жрецов, исполнять все их религиозные предписания и обряды. А иначе тебе прямая дорога в ад, где твою бессмертную душу ждут вечные и страшные муки”.

Но поэт-мудрец не может довольствоваться столь примитивными объяснениями, рассчитанными на простаков, и продолжает сам размышлять над вечными вопросами, старясь отыскать в них свое собственное, личное, человеческое решение. Своим печальным размышлениям о мимолетности жизни и неминуемости смерти, своим многолетним попыткам понять, зачем же нам дана жизнь, поэт подводит итог (“Взглядом разума я озарил весь мой жизненный путь, И теперь мне известно, что мне - **ничего не известно**”), созвучный парадоксальной, многим непонятной, но для философов обнадеживающей (**самоотчет человека о собственном незнании есть первый и главный шаг на пути обретения нового знания!**) мысли Сократа: “**Я знаю, что ничего не знаю**”:

*Нам жизнь навязана; ее водоворот
Ошеломляет нас, но миг один – и вот
Уже пора уйти, не зная цели жизни.
Приход бессмысленный, бессмысленный уход!*

*Приход наш и уход загадочны,- их цели
Все мудрецы земли осмыслить не сумели.
Где круга этого начала, где конец?
Откуда мы пришли, куда уйдем отселе?*

*Не знаю тайны я вращения небосвода,
Лишь за невзгодою меня гнетет невзгода.
Смотрю на жизнь свою и вижу: жизнь – прошла.
Что дальше будет? – Тьма, и нет из тьмы исхода.*

*Круг небес ослепляет нас блеском своим.
Ни конца, ни начала его мы не зрим.
Этот круг недоступен для логики нашей,
Меркой разума нашего не измерим.*

*Дураки мудрецом почитают меня,
Видит бог, я не тот, кем считают меня.
О себе и о мире я знаю не больше
Тех глупцов, что усердно читают меня.*

*Меня философом враги мои зовут,
Однако, - видит бог, - ошибочен их суд.
Ничтожней много я: ведь мне ничто не ясно,
Не ясно даже то, зачем и кто я тут.* (пер. О. Румера)

Пронзительные, стремящиеся к постижению истины, мысли Хайяма о жизни связаны с его пониманием того, насколько несправедлив и жесток реальный мир, в котором ему приходится жить (спустя столетия этот мир, как мы понимаем сегодня, не стал лучше, но лишь углубил свои роковые противоречия, что подтверждают две мировые войны двадцатого века, унесшие жизни более 100 млн. людей, а также войны и бесконечные теракты начала третьего тысячелетия, в которых гибнут ни в чем неповинные люди – дети, женщины, старики и мужчины в расцвете сил). Об этом поэт-философ с горечью писал:

*Миром правят насилие, злоба и месть.
Что еще на земле достоверного есть?
Где счастливые люди в озлобленном мире?
Если есть – их по пальцам легко перечесть.* (пер. Г.Плисецкого)

*В этом мире глупцов, подлецов, торгашей
Уши, мудрый, заткни, рот надежно зашей,
Веки плотно зажмурь – хоть немного подумай
О сохранности глаз, языка и ушей!* (пер. Г.Плисецкого)

Омар Хайям родился в семье мусульманина (ислам в Иран и в его родной край Хорасан пришел в середине 7 в. вместе с арабскими завоевателями) и сам был мусульманином. Хорошим или плохим – это отдельный вопрос (о себе и о своих застольных друзьях он говорил: “*Как лишь терпит нас мраморный свод бирюзовый – Не кафиrow совсем, не совсем мусульман*”). Следует только понять, что в те времена не быть верующим, не быть адептом той или иной религии (ислама, христианства, иудаизма, зороастризма и т.п.), **признать себя безбожником – было бы равносильно самоубийству** (и сегодня, в двадцать первом веке, во многих мусульманских странах за открытое безбожие наказывают смертной казнью или, в лучшем случае, тюрьмой).

Но почему-то не любят Омара Хайяма именно верующие, правоверные. Мусульмане считают его кафиром, безбожником, смутьяном, разрушителем религиозной веры, сеющим сомнения и еретические мысли в души истинных приверженцев аллаха. И это при том, что среди его рубаи есть и такие (*я бы назвал их АнтиХайямом, и полагаю, что они могут быть более поздней подделкой под стиль Хайяма с целью приписать ему несуществующее раскаяние перед богом и исламом*)⁴:

*Я раскаянья полон на старости лет.
Нет прощенья мне, оправдания нет.
Я, безумец, не слушался божьих велений –
Делал все, чтобы только нарушить запрет!* (пер. Г.Плисецкого)

*Знаю, сущность твоя недоступна уму,
Мои бунт иль покорность тебе ни к чему,
Я, погрязший в грехах, жив одну надеждой:
Милосердный, простишь ты рабу своему.* (пер. Н. Стрижкова)³

*Разум мой не силен и не слишком глубок,
Чтобы замыслов божьих распутать клубок.
Я молюсь и аллаха понять не пытаюсь –
Сущность бога способен постичь только бог.* (пер. Г.Плисецкого)

Последняя строчка, ой как, напоминает общий лейтмотив жрецов всех религий, утверждающих, что простому смертному недоступно понимание бога, и о нем может судить только ученый богослов (этим утверждением пытаются богословские знания о религиозных домыслах - **по существу, “знания ни о чем”** - возвести в ранг научных знаний о реальном мире, требующих для своего освоения специальной подготовки и образования, но на деле апологеты религии, отказывая людям **в познании собственной же выдумки - бога**, добровольно признают себя и своих сторонников ослами!).

Вопреки приведенному выше человеческому самоуничижению, Хайям тут же пытается **дерзко укорить создателя за его античеловеческие деяния** (кто из правоверных может себе такое позволить? ведь у каждого из них есть только одна заученная песня: “Аллах акбар!”):

*У мертвых и живых один владыка – ты.
Кто небо завертел над нами дико? – Ты.
Я тварь греховная, а ты создатель мира,
Из нас виновен кто? – Сам рассуди-ка ты!* (пер. О. Румера)

А далее в поэтическом творчестве Хайяма, в его отношении к религии, вере и мусульманскому духовенству **становятся преобладающими совсем уж непотребные для мусульманина мотивы – мятежные, обличительные, саркастические, издевательские, насмешливые**. В них полностью

проявляется свободолюбивый дух Хайама-ученого, стремящийся к естественнонаучному, приземленному, материалистическому (насколько это возможно в мусульманском окружении) объяснению мира и человека:

Пока медресе и мечети во прах не падут, (пер. В.Державина)
*Дела мудрецов-каландаров на лад не пойдут.*⁵
Покамест неверием вера, а верой неверье не станут, -
Поверь мне, - средь божьих рабов мусульман не найдут.

В мечетях, в храмах, в капищах богов (пер. В.Державина)
Боятся ада, ищут райских снов.
Но тот, кто сведущ в таинствах творенья,
Не сеял в сердце этих сорняков.

*Дух рабства кроется в кумирне и в Каабе.*⁵ (пер. О. Румера)
Трезвон колоколов – язык смиренья рабий.
И рабства черная печать равно лежит
*На четках и кресте, на церкви и михрабе.*⁵

О жестокое небо, безжалостный бог! (пер. Г. Плисецкого)
Ты еще никогда никому не помог.
Если видишь, что сердце обуглено горем, -
Ты немедля еще добавляешь ожог.

Защитник подлых – подлый небосвод (пер. В.Державина)
Давно стезей неправедной идет.
Кто благороден – подл пред ним сегодня,
Кто подл - сегодня благороден тот.

О небо, к подлецам щедро твоя рука: (пер. О. Румера)
Им – бани, мельницы и воды арыка,
А кто душою чист, тому лишь корка хлеба
Такое небо – тьфу!- не стоит и плевка.

Если б мне всемогущество было дано – (пер. Г.Плисецкого)
Я бы небо такое низвергнул давно
И воздвиг бы другое, разумное небо,
Чтобы только достойных любило оно!

О мусульманском духовенстве, кичащемся своим богословским знанием (знанием мертвых богословских догм и установлений, измышленных творцами Корана, сунн, преданий и шариа), духовным званием и властью над душами и жизнью правоверных, Хайям вообще отзывается презрительно, сравнивая их с дураками и ослами (за что же этой братии любить Хайама?):

Один Телец висит высоко в небесах, (пер. О. Румера)
Другой своим хребтом поддерживает прах.
А меж обоими тельцами, - поглядите, -
Какое множество ослов пасет аллах!"

Будешь в обществе гордых ученых ослов, (пер. Н.Стрижкова)
Постарайся ослом притвориться без слов.
Ибо каждого, кто не осел, эти дурни
Обвиняют немедля в подрыве основ.

Я презираю лживых, лицемерных (пер. В. Державина)
Молитвенников сих, ослов примерных.
Они же, под завесой благочестья,
Торгуют верой хуже всех неверных.

Я знаю этот вид напыщенных ослов: (пер. О. Румера)
Пусты, как барабан, а сколько громких слов!
Они – рабы имен. Составь себе лишь имя,
И ползать пред тобой любой из них готов.

Скоро праздник великий, аллаху хвала! (пер. Г. Плисецкого)
Скоро все это стадо пропьяется дотла:
Воздержанья узду и намордник намаза

Светлый праздник господень снимает с осла.

Ты, муфтий, нас беспутнее подчас,⁵

(пер. Ц.Бану)³

Мы во хмелю тебя трезвей в сто раз.

Пьешь кровь людскую, кровь лозы мы тянем, -

По чести: кровожадней кто из нас?

В своих сравнениях земной и иллюзорной, потусторонней, загробной жизни Хайям всегда отдавал предпочтение первой, как бы она ни была тяжела и безрадостна (“Под этим небом жизнь – терзаний череда, А сжалится ль оно над нами? Никогда!”): **“Ведь в царстве бытия нет блага выше жизни, - Как проведешь ее, так и пройдет она”**. Тем более, что от печали для находчивых людей всегда под рукой были запрещенные исламом, но проверенные временем средства – вино (“Вино издревле – веры враг”, “Вино – враг веры правой? Так пей же кровь лозы, **Ведь кровь врагов лукавых нам пить велит ислам**”, “Могу ль я сделаться приверженцем ислама, Когда им высшее из благ запрещено?”), музыка, пенье и любовь красавиц (“Я в вино золотое, и в струны, и в песни влюблен”, “Я красоты приемлю самовластье”, “Мудрец – кто пьет с возлюбленной вино”, “Уж лучше пить вино и пери обнимать, Чем лицемерные поклоны отбивать”). Философ прекрасно понимал, что другой жизни у человека нет и быть не может, как бы об этом не твердили все религии мира, а потому надо стремиться жить на земле полноценной жизнью, не лишая себя удовольствий и наслаждений:

Слышал я, что в раю, мол, сады и луга,

(пер. Г. Плисецкого)

Реки меда, кисельные, мол, берега.

Дай мне чашу вина! Не люблю обещаний.

Мне наличность презренная дорога.

Лучше пить и веселых красавиц ласкать,

(пер. Г. Плисецкого)

Чем в постах и молитвах спасенье искать.

Если место в аду для влюбленных и пьяниц,

То кого же прикажете в рай допускать?

Держит чашу рука, а другая - Коран:

(пер. Н.Стрижкова)

То молюсь до упаду, то до смерти пьян.

Как лишь терпит нас мраморный свод бирюзовый –

Не кафилов совсем, не совсем мусульман.

Чтоб счастья испытать, вина себе налей,

(пер. О.Румера)

День нынешний презри, о прошлых не жалея,

И цепи разума хотя б на миг единый,

Тюремщик временный, сними с души своей.

Несмотря на все сложности, естественные и искусственные ограничения и запреты, наложенные на человека окружающим миром и обществом, ученые и философы всегда стремились к познанию реального мира и человека в нем, исповедуя призыв древних греческих мыслителей **“Познай себя!”**. Вот и Омар Хайям, вопреки всем своим сомнениям и нерешенным вопросам, сделал для себя ряд важных практических выводов, которые не утратили своей актуальности и сегодня, спустя почти 900 лет после его ухода:

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало,

(пер. О. Румера)

Два важных правила запомни для начала:

Ты лучше голодай, чем что попало есть,

И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,

(пер. Г. Плисецкого)

Чем в число блюдолизов презренных попасть.

Лучше кости глотать, чем прельститься сластями

За столом у мерзавцев, имеющих власть.

Закрой Коран. Свободно оглянись.

(пер. И. Тхоржевского)

И думай сам. Добром – всегда делись.

Зла – никогда не помни. А чтоб сердцем

Возвыситься – к упавшему нагнись!

Чем за общее счастье без толку страдать –

(пер. Г. Плисецкого)

Лучше счастье кому-нибудь близкому дать.

Лучше друга к себе привязать добротой,

Чем от пут человечество освобождать.

Коль можешь, не тужи о времени бегущем,

(пер. В. Державина)

*Не отягчай души ни прошлым, ни грядущим.
Сокровища свои потрать, пока ты жив,
Ведь все равно в тот мир предстанешь немущим.*

Таков мой Омар Хайям. А ваш?

Литература

1. Britannica. Настольная энциклопедия в 2-х томах. - М.: АСТ-Астрель, 2006.
2. Большой Российский энциклопедический словарь.- М.: Бол. Рос. энциклопедия, 2003.
3. Биографический словарь деятелей естествознания и техники/ тт.1,2. – М.: Бол. Сов. энциклопедия, 1958.
4. Математический энциклопедический словарь. - М.: Сов. энциклопедия, 1988.
5. Литературный энциклопедический словарь. - М.: Сов. энциклопедия, 1987.
6. Малая Советская энциклопедия/ 3-е изд., т.1-10. - М.: Бол. Сов. энциклопедия, 1958-1960.
7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона/ тт.1-86. – СПб, 1890-1904.
8. Всемирная история в десяти томах/ т.3. - М.: Госполитиздат, 1956-1965.
9. Султанов Ш.З., Султанов К.З. Омар Хайям. – www.erlib.com.
10. Омар Хайям/Википедия - www.ru.wikipedia.org
11. Омар Хайям. Рубайят. – М.: Эксмо, 2007.
12. Лирика. Из персидско-таджикской поэзии. - М.: Худ. литература, 1987.
13. Звезды поэзии/ Пер. с фарси. – Душанбе, 1988.

Примечания и комментарии

¹**Хорасан и Нишапур.** *Хорасан* (с перс. “Хора-сан” – “Страна Солнца”, название известно со времен *Сасанидов*) – историческая нагорная область на северо-востоке современного *Ирана* (до 1935 г. – *Персия*; самоназвание персов – *ирани*), граничащая на севере с Туркменией (вблизи Ашхабада), а на востоке с Афганистаном (вблизи Герата). В 3-18 вв. границы *Большого Хорасана* на севере достигали *Хорезма* (области южного Приаралья с городами Ургенч и Хива в нижнем течении Амударьи) и *Мавераннахра* (с араб. “то, что за рекой”; области в междуречье с городами Бухара и Самарканд в среднем течении рек Амударья и Сырдарья), а на востоке – *Балха* (области на северо-западе Афганистана в верхнем течении Амударьи, центре караванной торговли с Индией) [1,2,6-8].

Предки иранцев еще в 3 тыс. до н.э. входили в единую группу скотоводческих *протоиндоиранских племен*, обитавших на территории Юго-Восточной Европы. На рубеже 12-11 вв. до н.э. ираноязычные племена вторглись со стороны восточных Причерноморских степей через Кавказ в Западный Иран, а позже, обойдя с севера Каспийское море, через юго-западные Приаральские степи - в Восточный Иран. Уже в 9-8 вв. до н.э. иранцы распространились по всей территории *Иранского нагорья* (под именем *мидян* и *персов*, говоривших на родственных иранских диалектах, они упоминаются с 9 в. до н.э. в ассирийских надписях, описывающих походы ассирийцев на территорию Мидии с целью захвата добычи). На захваченных территориях, потеснив и ассимилировав аборигенные племена, пришельцы сумели создать на протяжении 12 веков (с 6 в. до н.э. по 7 в. н.э.) три крупнейшие иранские империи, господствовавшие на большей части Ближнего и Среднего Востока:

1) *Персидскую державу Ахеменидов* (558-330 до н.э.; важнейшие цари: Кир II Великий - внук последнего мидийского царя Астиага и третий царь из персидского рода Ахеменидов, Дарий I, Ксеркс I, Артаксеркс III), завоеванную через 228 лет (в 336-330 до н.э.) при последнем ахеменидском царе Дарии III *Александром Македонским* (356-323 до н.э.);

2) 475-летнее *Парфянское царство* (250 до н.э.-224 н.э.), созданное *парфянской династией Аршакидов* в борьбе с *Селевкидами* - наследниками империи Александра в Малой Азии,;

3) *Иранскую державу Сасанидов* (224-651 н.э.; названа в честь Сасана – предка Ардашира I, основателя династии, выходца из Парса на юго-западе Ирана; важнейшие цари – сын Ардашира Шапур I, Шапур II, Кавад I, Хосров I Ануширван, Хосров II Парвиз), завоевавшую Парфянское и другие соседние царства на Иранском нагорье.

Эта третья и последняя до арабских завоеваний коренная персидская империя просуществовала 428 лет. Она противостояла в 4-7 вв. на своем западе Византии (Восточной Римской империи), но, будучи завоевана к 651 г. арабами, вошла в состав Арабского халифата. С 704 г. арабским наместником Хорасана был назначен *Кутейба ибн Муслим*, который организовал в 709-715 гг. завоевание ряда территорий Средней Азии, включая *Мавераннахр* и *Хорезм*. Как писал *среднеазиатский ученый-энциклопедист аль-Бируни* (973-1050) в своих “Хрониках минувших поколений”, жестокие репрессии исламский завоеватель обрушил в первую очередь на ученых Хорезма: “и всеми способами рассеял и уничтожил Кутейба всех, кто знал письменность хорезмийцев, кто хранил их предания, всех ученых, что были среди них, так что покрывлось всё это мраком и нет истинных знаний о том, что было известно из их истории во время пришествия к ним ислама”.

В 10 в. начался, вызванный внутренними междоусобицами и внешними угрозами, распад Арабского халифата, существовавшего к тому времени в виде *халифата Аббасидов* (750-1258; династия происходила от *Аббаса* – дяди пророка Мухаммеда), или *Багдадского халифата* (при Аббасидах столица государства была перенесена из Дамаска в Багдад), на отдельные эмираты и феодальные государства. Фактический конец правлению Аббасидов положила *династия Буидов* (*Бувейхидов*, 935-1055; династия ираноязычных военачальников, выходцев из Гиляна –юго-западной области Прикаспия; поддерживала персидские традиции и культуру), завоевавшая в 935 г. Западный Иран, а через 10 лет захватившая и Багдад. На 120 лет (до завоевания государства Буидов в 1055 г. тюрками-сельджуками) Буиды установили свое правление в Западном Иране и в Ираке. Багдадский халиф был поставлен под опеку буидских эмиров,

лишен светской власти, но ему была оставлена почетная духовная власть главы мусульман-суннитов (сами буиды покровительствовали шиитам).

В 9-10 вв. на восточных просторах Багдадского халифата сформировалась **персидская династия Саманидов** (875-999 гг.; основатель - крупный феодал из Балха **Саман-худат**, принявший ислам; его потомки служили багдадскому халифу в Мавераннахре и Хорасане, став, соответственно в 875 и 900 гг., наместниками этих провинций, причем вскоре им удалось добиться полной независимости от Багдада; в середине 10 в. восстание в Хорасане освободило эту область от власти Бухары, а в 999 г. династия прекратила свое существование под ударами с северо-востока тюрков-караханидов), которая создала свое **саманидское государство** со столицей первоначально в Самарканде, а позже в Бухаре. В ее правление было исламизировано местное население Мавераннахра и Ферганы, началось возрождение науки и культуры на базе использования арабского и новоперсидского языков. Именно при Саманидах персидский поэт **Фирдоуси** (940-1030 гг.) приступил к своей работе по созданию знаменитого ирано-таджикского эпоса "**Шахнаме**" ("Книга Царей" - 55 тыс. бейтов- двустиший; первая редакция - 994 г., вторая - 1010 г. уже при Газневидах).

В 10-11 вв. на юго-востоке Багдадского халифата сформировалась тюркоязычная среднеазиатская **династия Газневидов** (977-1186; основана в 962 г. военачальником **Себук-Тегин**ом из Газни – городе на юго-западе Афганистана, центре караванного торгового пути из Индии, ставшим столицей империи Газневидов), просуществовавшей более 200 лет. Султан **Махмуд Газневи** (969-1030, правил с 998 г.), сын Тегина, расширил империю до максимальных пределов. Он захватил в 999 г., после распада саманидского государства, Хорасан (но уже его наследник утратил эти земли через 10 лет своего правления, в 1040 г., после поражения от сельджуков), в 1017 г. - Хорезм, в 1025 г. - Мавераннахр, а также Афганистан и Северную Индию. Его завоевательные походы в Индию, а их было 17, проходили под лозунгом "**священной войны**" мусульман и борьбы "**с идолопоклонством индусов**", причем, только из одного похода Махмуд привез 57 тыс. рабов, 350 слонов и 20 млн. дирхемов (арабских серебряных монет, весом каждая в 3,9 г) [8].

В начале 11 в. на северных границах империи Газневидов, совпадавших с северной границей Хорасана, появились из степей и пустыней западного и восточного Приаралья кочевые племена **тюрков-сельджуков** (тюрки-сельджуки принадлежали к племенам **огузов** – далеким предкам современных туркмен, турок и азербайджанцев – представителям юго-западной группы тюркских языков; древнейшие огузы известны с 6-8 вв., времени образования Тюркского каганата - империи от Монголии до Черного моря; **Сельджук** был основателем в конце 10 в. феодальной династии из племени огузов). Газневиды (сын Махмуда султан **Масуд**), владевшие на тот период Хорасаном, разрешили в 1035 г. племенам тюрков-сельджуков проживать на северных землях Хорасана с целью защиты государства от нападений других кочевых племен. Но вскоре гости вошли в силу, их отряды под руководством **Тогрул-бека** и **Чагры-бека** в 1040 г. нанесли поражение газневидам, захватили Хорасан и двинулись в Западный Иран (утратив Хорасан, газневиды потеряли в 1043 г. и Хорезм, но все же сохранили до конца 12 века власть в Афганистане и Северной Индии).

За 15 лет сельджуки завоевали весь Западный Иран, а в 1055 г. Тогрул-бек вступил в Багдад и принял от халифа **Каима** титул султана (этот момент стал концом государства Буидов). Его преемники **Али-Арслан** (султан в 1063-1072 гг.) и **Мелик-шах** (1055-1092, султан с 1072 г.; покровительствовал наукам и искусствам, провел реформу календаря; в годы его правления государство Сельджуков достигло наибольшего могущества; большое влияние на султана оказывал его везир **Низам аль-Мульк**, 1018-1092, везир с 1063 г., основатель ряда высших мусульманских школ – медресе, убит исмаилитом) подчинили себе почти всю **Малую Азию** (в 1071 г. сельджуки одержали победу над Византией, и именно с этого периода Анатолию стали заселять тюркоязычные народы, образовавшие впоследствии основное население Османской империи и современной Турции), в 1088 г. **страны Закавказья** (Армению, Грузию, Азербайджан), в 1084 г. **Сирию**, а в 1089 г. **Мавераннахр** (караханиды, завладевшие Мавераннахром после разгрома саманидов, стали вассалами сельджуков). После смерти Мелик-шаха в 1092 г. в государстве сельджуков началась длительная феодальная смута. При последнем сельджукском султани **Санджаре** (правил в 1118-1157 гг.) произошел распад государства на отдельные султанаты (к 1200 г. сельджуки сохранили власть лишь в султанате Рум на западе Анатолии, который был завоеван к 1230 г. бывшими вассалами сельджуков хорезмшахами). Мавераннахр вышел из-под власти сельджуков в 1141 г., а в 1153 г. в результате восстания тюрков-огузов из Балха был опустошен Хорасан (в Нишапуре было сожжено 8 ценных публичных библиотек).

Нишапур – один из главных городов Хорасана (бывшая столица сасанидских правителей 5 в.) и средневекового Ирана (наряду с **Ширазом** на юго-западе Ирана, **Исфаханом** в центре и **Реем** на севере), имевший население свыше 200 тыс. человек. Основан в середине 3 в. **Шапуром I**. В городе были ремесленные цеха и корпорации купцов, но управлялся он чиновничьей и духовной знатью. К середине 7 в., во время арабского завоевания, город пришел в упадок, но в 9-10 вв. пережил новый период расцвета. В 11 в. стал резиденцией сельджукского султана Тогрук-бека, а в 12 в. вновь вступил в полосу упадка. Близ города находится могила Омара Хайяма.

Из приведенных исторических фактов видно, что если первая половина жизни Хайяма (с 1048 г. до 1092 г., когда умер покровитель Хайяма Мелик-шах, а самому ученому стукнуло 44 года) сложилась в период укрепления могущества сельджуков и относительно спокойного существования Хорасана как их резиденции, то вторая половина жизни ученого (с 1092 г. по 1131 г.) пришлось на период раздоров и распада нового государства. Об этом времени своей жизни поэт писал: "**Я небосводом брошен на чужбину; Что дал сперва, он отнял половину. И я из края в край на склоне лет Влачу, как цепи, горькую судьбину**".

²**Биография Хайяма: математик, астроном, философ.**

Омар Хайям родился и умер на своей родине, в Хорасане, в родном городе Нишапуре, который находился на важном перепутье дорог из Малой Азии и Ирана в Среднюю Азию, Афганистан и Северную Индию, а потому подвергался на протяжении столетий постоянным нашествиям чужеземных племен. Незадолго до рождения Омара власть в его стране в очередной раз переменялась - на смену афганским Газневидам (а до них были арабы и среднеазиатские Саманиды) пришли огузские племена тюрков-сельджуков, которые сильно разорили страну (историки,

например, отмечали, что Шираз на юге Ирана был полностью разграблен и разрушен до такой степени, что оставался в развалинах до конца 12 века). В этом отношении Хорасану и Нишапуру еще повезло, поскольку сельджуки сделали их своей резиденцией.

Сведения о жизни Хайяма очень отрывочны и иногда окрашены сомнительными домыслами и легендами. Известно, что детство свое он провел не в Нишапуре, а за 750 км восточнее его, в Балхе (возможно, у родственников, и в более спокойном для учебы месте, чем Нишапур той поры). В 18 лет, т.е. в 1066 г., он потерял отца, вынужден был прервать учебу в медресе и стал самостоятельно зарабатывать на жизнь преподаванием, используя полученные в медресе богословские знания и плоды собственного неустанный самообразования. В области философии его духовным учителем стал среднеазиатский философ (приверженец Аристотеля), ученый, врач, поэт и музыкант **Ибн-Сина (Авиценна, 980-1037)**, автор знаменитого пятитомного труда по медицине *“Канон врачебной науки”* (даже незадолго до своей смерти Хайям, в который уже раз, внимательно перечитывал его философскую энциклопедию *“Книга исцеления”*). В 1069 г. он оправился в Мавераннахр, в Бухару, столицу султаната караханидов (позже, с 1089 г., султанат стал вассалом сельджукского государства), по приглашению правителя Бухары **Шамс-аль-Мулька**, прослышавшего о способностях и разносторонних талантах молодого ученого-богослова. Через несколько лет Хайям получил доступ ко двору самого сельджукского султана **Мелик –шаха**. В период 1076-1092 гг. в распоряжение ученого была предоставлена обсерватория в Исфахане. Возможно, именно тогда у него родилось это четверостишие: *“Как жутко звездной ночью! Сам не свой, Дрожишь, затерян в бездне мировой, А звезды в буйном головокруженье Несутся мимо, в вечность, по кривой...”*. Свои астрономические наблюдения Хайям использовал в процессе реформы старого персидского календаря и разработки нового календаря, очень точного даже по современным меркам. После смерти Мелик-шаха и его везира Низам-аль-Мулька, которые постоянно помогали ученому, он лишился поддержки двора. Началась неустроенная полоса его жизни. Уже будучи в возрасте за 50 лет и пытаясь отвести от себя обвинения в безбожии, связанные с его философскими взглядами и критикой ряда мусульманских доктрин, он был вынужден совершить хадж в Мекку, откуда вернулся в 1103 г. Последние годы жизни Хайяма совпали с временем междоусобиц в государстве сельджуков, когда правителям стало уже не до ученых и до их науки.

Математические сочинения Хайяма дошли до наших дней и характеризуют мыслителя как выдающегося математика своего времени [3,4]. В математическом труде *“О доказательствах задач алгебры”* он дал изложение в общем виде оригинальных решений уравнений до 3-й степени включительно с использованием геометрического метода, основанного на нахождении пересечений двух конических сечений. Другой дошедший до нас трактат в 3 книгах называется *“Комментарии к трудным постулатам книги Евклида”*. Первая книга *“Об истинном смысле параллельных и об известных сомнениях”* содержит оригинальную теорию параллельных, опирающуюся на рассуждения, эквивалентные допущению известного *пятого постулата Евклида*. Во второй книге *“Об отношении, пропорции и их истинном смысле”* он стремится усовершенствовать теорию отношений, изложенную в 5-й книге *“Начал”* Евклида, устанавливая единую теорию для чисел и величин. В третьей книге *“О составлении отношений и их исследованиях”* каждому отношению положительных действительных чисел или величин автор ставит в соответствие действительное число, вследствие чего отношения становятся возможным применять, наряду с числами, для измерения любых величин. Известен трактат Хайяма по физике *“Об искусстве определения количества золота и серебра в состоящем из них теле”*, в котором он рассматривает известную классическую задачу, решенную Архимедом. Из философских работ ученого дошел его труд *“Трактат о бытии и долженствовании”*.

В своей стране и в свое время Омар Хайям был прославлен не за свои стихи, которые были известны лишь очень узкому кругу его близких друзей, а за научные достижения в математике и астрономии. Кроме того, он был известен как философ и знаток мусульманского права. Стихи Хайяма были для мусульман таким же запретным плодом, как вино, и поэтому в течение столетий были табу для официальной мусульманской массовой поэзии и культуры.

³ **Переводчики и переводы.** Первым переводчиком Хайяма на Западе стал английский писатель **Эдуард Фицджеральд (1809-1883)**, опубликовавший в 1859 г. свободное переложение стихов Хайяма (немногим более ста рубаи), ставшее классикой английской литературы. До конца 19-го века его переводы были переизданы 25 раз! Многие из его найденных при переводе образов стали общеупотребительными, расхожими фразами. Именно переводы Фицджеральда обратили внимание западного мира на Омара Хайяма как на самобытного и глубокого восточного поэта-философа. Эти переводы основательно встряхнули весь англо-саксонский поэтический мир в Европе и в Северной Америке, привели к созданию ряда “хаямовских” кружков и фондов по исследованию поэтического наследия поэта-ученого.

Следует четко понимать, что переводчик стихов является таким же сотворцом поэта, как сам автор. Переводы одного и того же рубаи, но разными поэтами-переводчиками, разительно отличаются друг от друга по образам, рифмам (хотя общая строчная рифма, присущая рубаи, – **ААВА** – сохраняется без изменения) и ритмике. Ниже даны примеры таких переводов русскими поэтами-переводчиками для отдельных рубаи Хайяма (одни поэты переводили иноязычные стихи напрямую, а другие по подстрочнику, предварительно составленному опытным филологом). Выше, в тексте статьи, я лично выбрал те переводы, которые более близки мне по духу, легче читаются и более, как мне кажется, гармоничны (хотя другие люди, возможно, выберут для себя и другие переводы).

*“Вино запрещено, но есть четыре “но”:
Смотря кто, с кем, когда и в меру ль пьет вино.
При соблюдении сих четырех условий
Всем здравомыслящим вино разрешено.”*

(Л.Пеньковский)

*“Запрет вина – закон, считающийся с тем,
Кем пьется, и когда, и много ли и с кем,
Когда соблюдены все эти оговорки,
Пить – признак мудрости, а не порок совсем.”*

(О.Румер)

*Увидал я бродягу; в пыли на земле он лежал,
сердца,*

Мне встретился гуляка нищий – он мог смутить

*На ислам, на безверье, на веру, на царства плевал,
Отрицал достоверность творца, шариат, откровенье,-
Нет! Бесстрашной души я в обоих мирах не встречал.
(В.Державин)*

*Отверг он веру, и неверье, и беса, и Творца,
И правду, и мирские блага, ислам и шариат...
Кто видел в том или в этом мире такого хребтеца?
(С.Липкин)*

*Мы только куклы, вертит нами рок, -
Не сомневайся в правде этих строк.
Нам даст покувыркаться и прячет
В ларец небытия, лишь выйдет срок.
(Ц. Бану)*

*Мы-куклы, а судьба – наш кукольник забавный.
Иносказание? Нет, вывод жизни главный!
На сцене бытия играем – и уходим
В сундук небытия: таков конец бесславный.
(С. Липкин)*

*Мы – послушные куклы в руках у творца!
Это сказано мною не ради словца!
Нас на сцене всевышний на ниточках водит
И пихает в сундук, доведя до конца.
(Г.Плисецкий)*

*Будет прав, кто театром наш мир назовёт,
Все мы — куклы; а кукольник — сам небосвод.
На ковре бытия он нам даст порезвиться
И в сундук одного за другим уберёт.
(Н.Стрижков)*

*Держит чашу рука, а другая - Коран:
То молюсь до упаду, то до смерти пьян.
Как лишь терпит нас мраморный свод бирюзовый –
Не кафиров совсем, не совсем мусульман.
(Н.Стрижков)*

*Несовместимых мы всегда полны желаний:
В одной руке бокал, другая – на Коране.
Итак вот мы живем под сводом голубым,
Полубезбожники и полумусульмане.
(О.Румер)*

*Священный Коран – в деснице, а в левой – чаша тиров.
То мы- благочестивы, то нет для молитвы слов.
Под этим мраморным сводом в эмалевой бирюзе,
Кто мы – мусульмане, кафиры? Не ясно в конце концов. (В.Державин)*

Поскольку поэты-переводчики являются полноправными соавторами поэта, то следует хотя бы кратко знать их биографии.

Плисецкий Герман Борисович (1931 -1992) - русский поэт, переводчик. Окончил в 1959 г. филфак МГУ. С 1960 года учился в аспирантуре Института театра, музыки и кино в Ленинграде. Одновременно начал заниматься переводами. В конце 1960-х годов выиграл конкурс в издательстве «Наука» на переводы Омара Хайяма. В 1970-80-е годы переводил Хафиза и других восточных поэтов, делал стихотворные переложения библейских книг, печатал собственные стихи. Первый полный сборник стихотворений и избранных переводов Плисецкого «От Хайяма до Экклезиаста» вышел в Москве в 2001 году.

Румер Осип Борисович (1883-1954) - российский поэт-переводчик, филолог. Знал двадцать шесть языков и не переводил по подстрочнику. Для него характерны точность смысловой и эмоциональной подачи перевода, отсутствие личного пристрастия. Переводил поэтов Востока - Навои, Низами, Омара Хайяма, поэтов Индии, стихи многих поэтов Армении. Из европейцев переводил Петефи и Адама Мицкевича, средневековых и ренессансных поэтов Франции и Англии.

Державин Владимир Васильевич (1908-1975)- русский советский поэт, переводчик, художник. С 12 лет учился в Костромской художественной студии. В 1928 г. впервые опубликовал стихи. В 1934-1940 гг. печатался в журналах, в 1936 г. выпустил единственную прижизненную книгу стихов. С 1940 года до конца жизни активно публиковался как поэт-переводчик, в первую очередь классической поэзии Востока - Омар Хайям, Хафиз, Алишер Навои, Низами, Фирдоуси, Саади.

Липкин Семен Израилевич (1911–2003) - русский поэт, прозаик, переводчик, мемуарист. С начала 1930-х годов, освоив персидский язык, занимался переводами, параллельно учась в Московском инженерно-экономическом институте. В годы Великой Отечественной войны был военным корреспондентом. В 1956 опубликовал первую подборку своих стихов. С 1934 года переводил поэзию, преимущественно эпическую, с восточных языков (в частности, аккадский эпос «Поэма о Гильгамеше», калмыцкий эпос «Джангар», киргизский эпос «Манас», памятник индийской культуры «Бхагавадгита»).

Бану Цецилия Бенциановна (1911-1998) - советский и российский литератор, переводчик с персидского языка, известный исследователь творчества Фирдоуси, автор полного перевода «Шахнаме». Училась на курсах востоковедения, на персидском отделении, отправилась в Среднюю Азию, жила в Самарканде, где настолько освоила таджикскую речь, что работала диктором на радио.

Тхоржевский Иван Иванович (1878-1951) - русский поэт и переводчик. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Был оставлен для подготовки к профессорскому званию, но предпочёл государственную службу. Дослужился до поста управляющего канцелярией Министерства земледелия, камергер; в 1916 вышел в отставку. Известен как мастер художественного перевода. Переводил с французского и итальянского. Главный переводческий труд поэта - рубаи Омара Хайяма.

Стрижков Николай - поэт-переводчик Омара Хайяма из Ташкента.

Седых Дмитрий Иванович - поэт-переводчик.

⁴ **Хайям-поэт и его последователи.** По разным источникам Хайяму приписывают свыше 2 тыс. рубаи (иногда 4-5 тыс.), хотя наиболее взвешенные исследователи говорят лишь о 100 или еще меньшем количестве. При жизни его рубаи не публиковались (часто он их записывал на полях черновики своих научных трудов), и, исходя из их содержания, понятно почему. **Слишком много в них было мотивов, противоречащих исламу и шариату (отвергал веру в потусторонний мир, призывал наслаждаться радостями земной жизни, критиковал Аллаха за плохое обустройство мира), слишком много в них было свободомыслия и непочтения к общепризнанным мусульманским ценностям и догмам (обличал лицемерие и догматизм мусульманского духовенства, непочтительно обзывал его представителей ослами), слишком много в них было опасных вопросов, сравнений и выводов (призывал людей к духовной свободе и самостоятельному мышлению), которые могли повлиять на сознание правоверных и отвести их от религии.**

Но, в то же время, массовая религиозная промывка мозгов правоверных далеко не во всех случаях достигала цели, и всегда оставались люди, которые сами пытались разобраться в своей собственной жизни, отбросив в сторону навязываемые исламом стереотипы. Для таких людей острые и глубокие стихи Хайяма были живой струей свежего воздуха. Поэтому его стихи они передавали из уст в уста и путем тайной переписки на протяжении столетий, а

часто, вдохновленные его идеями и в подражание ему, писали под его именем (чтобы выразить свои мысли, но при этом не накликать беду на свои семьи) новые стихи на аналогичные, запретные для мусульман темы (прежде всего темы вина и развлечений). Так на протяжении веков сохранялось и плодилось поэтическое наследие поэта-ученого.

И для нас, нынешних читателей Хайяма, не столь уж важно, сам ли поэт или его эпигоны написали те рубаи, которые приписываются Хайяму. Важно в данном случае, не то, кто конкретно написал то или иное четверостишие, а *важно то, о чем и как оно написано, насколько оно соответствует хайямовскому вольному духу и его типу философского мышления*. По мере того, как поэтическое наследие Хайяма приобрело известность и вес, вначале на Западе, а через Запад и на Востоке, поэта стали подделывать и те, кто захотел взять его авторитет на вооружение в борьбе с вольнодумством и безбожием. Видимо, именно эти лицемеры и попытались вложить в уста покойного мыслителя те строки, в которых он отказывается от своего свободомыслия и осуждает якобы сам себя за то, чем он жил и дышал всю свою беспокойную творческую жизнь. Такой подход для апологетов религии не нов: вначале распять или сжечь своего идеологического противника, а затем возвести его, уже безмолвного и неспособного дать отпор, в ранг мученика и святого, пострадавшего якобы за религиозные идеалы.

⁵Словарь мусульманских терминов.

Мудрецы-каландары – странствовавшие мусульманские дервиши-нищие, жившие на подаяние, пренебрегавшие условностями окружающего мира (внешней религиозностью, обрядами, традициями), прикидывавшиеся дурашливыми мудрецами, вызывавшими раздражение и нарекания со стороны других мусульман, но постоянно занятые поиском Бога в своем сердце и жившие во имя Его. Могли при случае дать мудрые наставления.

Кааба (с араб. куб) – мусульманское святилище в Мекке (Саудовская Аравия), расположенное на площади в центре города и имеющее форму куба, в одну из наружных стен которого вделан “черный камень” – метеорит. Существовало еще в домусульманскую эпоху как *всеаравийский языческий пантеон племенных божеств-идолов*, ежегодно посещавшийся арабами со всей Аравии для поклонения и принесения жертв своим божествам. С уходом в 622 г. (этот год считается началом мусульманского летоисчисления по лунному календарю – *хиджры*) Мухаммеда со своими сторонниками *мухаджирами* (переселенцами) из Мекки в Медину, мекканская знать опасалась упадка культа святилища и потери, в связи с этим, своего политического и экономического влияния на другие аравийские племена. После почти восьмилетней вооруженной борьбы Медины с Меккой за религиозно-политическое влияние в Аравии, был достигнут компромисс, по которому мекканцы признали ислам и Мухаммеда как пророка, сохранив при этом свое экономическое влияние. *Святилище Кааба было преобразовано в главный мусульманский храм* (“заповедную, священную, или запретную, мечеть”): он был очищен от идолов и племенных божеств, но основная доисламская святыня – “черный камень”, был оставлен и объявлен “даром божьим”. Кааба стала местом обязательного, хотя бы раз в жизни, *хаджа* (паломничества) мусульман со всего мира (ныне ее ежегодно посещают миллионы мусульман, принося в казну саудитов немалые деньги).

Михраб (с араб. святилище) – молитвенная ниша во внутренней стене мечети, обращенная в сторону Мекки и украшенная орнаментальной резьбой, инкрустацией и росписью. К этой нише верующие обращаются лицом во время молитвы, чтобы она “имела силу”.

Муфтий – духовное лицо у мусульман, облеченное правом выносить решения (*фетвы*) по религиозно-правовым вопросам и давать разъяснения по применению *шариата* (свода мусульманских и теологических нормативов, провозглашенных исламом “вечным и неизменным” плодом божественных установлений, – мусульманского права).

Минск, 17 января 2016 г.